

владениях, лишенных привилегий... парики более крупных владений, имевших больше рабочих, могли обращать главное внимание на обработку собственных участков, как только их труд был менее необходим на земле владельца... Положение париков, чьи владельцы имели иммунитет, было, несомненно, более благоприятным, нежели свободных крестьян... Парики, которые натакивались на полную силу требований как частного землевладельца, так и государства, были в совершенно другом положении. Ясно, что они пытались переселиться в привилегированные поместья". Этим, по мнению Острогорского, объясняется, почему мелкие владения повсюду пришли к краху, и почему непривилегированные большие поместья росли медленнее, в то время как процветали лишь очень крупные поместья, снабженные правами иммунитета.¹⁰⁰ Нам уже приходилось указывать на ошибочность этой точки зрения. Мы отмечали, что все доступные нам показания источников противоречат утверждению о лучшем положении париков на землях землевладельцев, что это утверждение противоречит многочисленным сообщениям историков и показаниям актов, рисующих картину безудержной эксплуатации и налогового гнета, которым подвергались парики на землях крупных феодалов.¹⁰¹ И если, действительно, значительное число париков с государственных земель или с земель мелкой феодальной знати оказывались порою, как мы это видим в поздне-византийское время, во владениях крупных феодалов, то это происходило вовсе не потому, что они стремились туда, прельщаясь лучшими условиями существования. Расширение числа зависимых крестьян во владениях крупных византийских земельных магнатов являлось прямым следствием захватов ими земель мелкой знати и больших пожалований из государственного земельного фонда, которые приняли такие широкие размеры в эпоху Палеологов. Захваты владений мелкой знати, как мы это установили в приведенных нами примерах, участились в поздне-византийское время, превратились в обычное явление, характерное для эволюции поздне-византийского феодализма. Поскольку среди мелкой византийской знати было значительное количество командного состава армии, отдельные представители династии Палеологов пытались приостановить этот процесс. Однако все меры, принимавшиеся в защиту землевладения этой прослойки феодального класса, давали на практике не больше результатов, чем меры, которыми время от времени Палеологи пытались оградить интересы мелких крестьян-землевладельцев и особенно владельцев стратиотских участков.

Стратиотские владения подвергались в поздне-византийское время таким же сильным ударам со стороны крупного землевладения, как и участки свободных крестьян. П. Мутафчиев указывал, что стратиот был свободным человеком, что его звание было несовместимо с положением парика.¹⁰² Документы противоречат подобному утверждению. Сам же Мутафчиев упоминает об одной простигме Патмосского кодекса, в которой имеется распоряжение перевести несколько стратиотов острова Кос на положение париков.¹⁰³ В простигме поименно перечисляются стратиоты, переводимые на положение париков (*ἀπὸ στρατιωτικῶν τῶν τοῦτοῦ*).

¹⁰⁰ G. Ostrogorsky. *Agrarian Conditions in the Byzantine Empire*. Cambridge Economic History, vol. I, Cambridge, 1942, pp. 222—223.

¹⁰¹ Б. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. — Вопросы истории, 1945, № 3—4, стр. 141—142.

¹⁰² П. Мутафчиев в В. Войнишки земли и войници в Византия прѣзь XIII—XIV вв. София, 1923, стр. 31.

¹⁰³ Miklosich-Müller. *Acta*, VI, p. 53.